

О мышах и о парторге

2 мая 1991 года

39°10' ю.ш., 108°27' в.д.

В конце 70-х я работал художником-оформителем на заводе в Находке. Художников нас было двое — я и Иван. Зачем художники на заводе? Чтобы писать плакаты и лозунги: «Пяти-

* «Москва майская». Музыка братьев Покрасс, слова Василия Лебедева-Кумача (1937).

летку — досрочно», «Завтра будем работать лучше, чем сегодня», «Наш труд — Родине», «Мой завод — моя гордость».

Мы, конечно, понимали, что наши лозунги рабочим до фени — все это нужно парторгу. В каждом обществе есть свои трутни, вот они и стараются, чтобы все стены завода были завешаны нашим художеством. Как все замалевали, так ему от горкома грамота. Это значит, что в скором будущем из заводской парт-организации его переведут в горком партии инструктором. А это уже большой человек.

На заводе была у нас мастерская, в ней завелось много мышей. Они, правда, жили не только в нашей мастерской, а по всему заводу. А в столовой — там только крысы, мышам там делать нечего. Чтобы наши краски и наш обед были в целости и сохранности (мы в столовую не ходили, а брали из дома кое-какую еду), Иван где-то достал парочку хомячков. Как только хомячки стали жить в подполье мастерской, мышей будто ко-рова языком слизала.

Но пришла пора отпусков. Я, как всегда, ушел в плавание на яхте на Чукотку, а Иван уехал в Белоруссию к родителям. Мастерскую закрыли на ключ, но для хомячков оставили еду — и зерна, и хлеба. Отпуска у нас были удлиненные, потому что мы целый год ходили в народную дружину — ловили хулиганов. Или, чтобы было больше дней причислено к отпуску, дежурили в пожарке на случай пожара. И таким образом получалось дней на 10–15 больше обычного.

После отпусков вернулись, открыли двери мастерской, а там ужас: не два хомячка, а целая стая. Пока мы отдыхали, они размножались. Их стало уже десятка два. И той пищи, что мы им оставили, конечно, не хватило. Хомячки погрызли все тюбики с красками, все кисти, холсты и даже нашу рабочую одежду. И ботинки все сгрызли, оставили только подошву и медные гвозди. Оказалось, резину они не едят. И началась

наша жизнь среди этих милых с виду животных. Они стали приносить нам столько хлопот и вреда, что мыши по сравнению с ними — ничто.

Но и тут Иван проявил смекалку: поселил в мастерской кошку Мурку. Она всех хомячков извела и даже на нас стала бросаться. Уходя на ночь домой, мы ее закрывали, и она одичала совсем. Однажды к нам зашел Геннадий, мастер бетономешалки. Она бросилась на него, и Генка, недолго думая, убил ее.

И снова со всего завода поползли к нам мыши. Я посмотрел на все это — на мышей, на парторга, на проклятый завод — и ушел работать матросом-добытчиком на рыболовный траулер.

Пулемет

3 мая 1991 года

39°17' ю.ш., 110°12' в.д.

03:00. Небо затянуло тучами. День унылый, снова начал лить дождь. Сижу, чищу свою пушку-ружье. От морской воды и воздуха оно все покрылось ржавчиной. У меня даже в детстве оружие в таком состоянии не было — я регулярно протираю его тряпкой с керосином. А оружие у меня было, сколько я себя помню. И пистолеты, и винтовки-трехлинейки, и даже пулемет с лентами. Попал ко мне этот пулемет, когда на хуторе Петровка, в трех километрах от нашей деревни, жил дед Сава, почтальон. Все знали, что у Савы на чердаке дома стоит пулемет. Но никто не придавал этому значения, все считали, если хозяин держит вещь, значит, для чего-то нужна.

Но появился новый участковый милиционер — нашего старого разбил паралич, он уже не мог наводить порядок на своем участке, а рыбаки часто дрались. Новый участковый, Инно-

кентий, суетливый был мужик — все ему надо было что-то выискивать, заглядывать везде, по службе и просто без всякой причины. Поговаривали, что он и к женам рыбаков похаживал, когда те на путине. У них и дознался милиционер про дедов пулемет. И как только дед Сава приедет на своей лошади к нам за почтой, Иннокентий тут как тут. Требуется, чтобы дед привез свое незаконное оружие и сдал ему под расписку.

Дед все время прикидывался глухим, не понимающим, что хочет от него этот человек в милицейской форме. Тогда участковый ему пригрозил, что сам приедет и заберет не только пулемет, но и «еще кое-что». А этим «кое-что» был самогонный аппарат, на котором дед гнал самогонку и продавал ее нашим рыбакам. На зарплату почтальона он прожить не мог, на нее можно было только купить для лошади овса, не больше.

Так что дед испугался не столько за пулемет, сколько за своего кормильца. Пулемет пригодится ли — еще неизвестно. А вот аппарат заработок давал, хоть и небольшой. Понял дед, что от назойливого милиционера ему не отвертеться, и сбросил пулемет в заброшенный колодец. Хуторские пацаны это видели и рассказали мне. Я тут же собрал команду, взяли веревку, крюки и айда к тому колодцу.

В степи воды мало, чтобы добраться до нее, приходится копать глубокие колодцы. И этот колодец, как все остальные, был глубоченный. Окружили мы эту дыру в земле, стоим и ахаем — никто не решается спуститься. Друг друга подзадориваем и подталкиваем. Тут все начали наседали на меня: раз ты, Федька, наш капитан, значит, тебе и лезть. Мне льстило, что я капитан, но, как и всех, пугала колодезная глубина. Однако подумал, что пацаны могут разболтать в школе, что я струсил.

Обмотался веревкой, как паук паутиной, наказал пацанам, чтобы они потихоньку меня спускали, и полез в колодец. Стенки его уже обвалились и покрылись плесенью, запах гнили

шел изнутри. Добрался я до затхлой жижи, пристроился на небольшом выступе и начал шарить палкой с крюком. Долго искал, наконец нащупал и подцепил. Так и есть: новенький, еще незаржавевший пулемет! Дед молодец! Прежде чем сбросить в колодец, хорошенько смазал пулемет солидолом.

Пацаны вытащили и меня, и пулемет. Тайком, огородами притащили к нам домой и спрятали в крольчатнике. У нас кролики жили в яме, сверху укрытой толем. В яму к кроликам залазили только мы со старшим братом Виктором. Но я не опасался, что он выдаст родителям нашу тайну. Главное, чтобы сестра Нина и младший брат Павлик не узнали — те сразу расскажут.

Но недолго мы прятали пулемет — мы его обменяли на старый трофейный немецкий велосипед. Да и ни к чему он нам был. Из него не постреляешь так запросто, как из винтовки или пистолета. Для этого надо было тащить его на берег моря, а пулемет большой и тяжелый.

В послевоенное время у нас, пацанов, не было недостатка в оружии. Его можно было найти где угодно, если постараться. Почти что у каждого мало-мальски уважаемого хлопца был или маузер, или автомат ППШ.

А однажды мы с Виктором нашли на старом аэродроме авиационную бомбу. Она валялась в кустах репейника. Ее, видимо, забыли, когда эвакуировали аэродром.

Бомбу мы притащили домой. Она большая была — вполовину нашего роста и тяжелая. Волокли ее по полю, по пахоте, а уже возле деревни погрузили на тележку, на которой отец возил молоть на мельницу зерно. Сверху накрыли травой, будто везем корм для кроликов. Дома спрятали в винограднике, и там бы она лежала долго, если бы не наш сосед дядя Степа. Он был инвалид — левой руки не было. Старики поговаривали, что это он сам себе сделал, чтобы не брали на войну.

По своей инвалидности он сторожил колхозную контору. А что ее сторожить, кому она нужна? Там же не было ничего, один только двухтумбовый стол, закрытый красным сукном. Да графин с водой, да деревянные лавки вдоль стены, чтобы было где рыбакам сидеть, пока председатель колхоза их поучает, как надо ловить рыбу.

Фамилия председателя была Гаврилов, а имя-отчество Гаврил Гаврилович. Все его за глаза, конечно, звали Гав-гав. А при нем только по имени-отчеству — как-никак председатель! Гаврил Гаврилович ни на кого голос не повышал. Не то чтобы он рыбаков уважал, но знал: накричи он на Ильку Шевелева за то, что пьяный пришел на собрание, так дядя Ильюша выругается, сплюнет и уйдет домой. Или пойдет в «будь ты проклят» — в магазин, где косая Дуська вином в разлив торгует. Председатель ничем не мог наказать рыбака. Выгнать из колхоза? Так кто ж будет работать? Молодежь в райцентр или в город бежит — куда угодно, лишь бы не остаться в колхозе. Потому что наша деревня по районным меркам числилась как неперспективная. Из-за этого и новые баркасы не приходили. Рыбаки сами ремонтировали свои гнилые посудины, чтобы хоть как-то путину отработать. Были бы в колхозе новые сети, так можно было бы ими поощрять лучших. А сетей тоже уже не распределяют который год. Склад, где раньше хранился инвентарь, пустой.

Меня несколько раз в контору на эти собрания брал отец. Я видел важность нашего председателя, когда он начинал говорить о том, что стране нужна рыба! Без нее мы не построим коммунизм. И тогда мне казалось, что никто не ловит рыбу, только все едят. А строительство коммунизма зависит от наших рыбаков, которые вот тут сидят и слушают грамотную речь председателя со значком «Ударник социалистического труда» на левом лацкане костюма.

Председатель после громких слов наливал из резного графина колодезную воду в чистый тоненький стакан и залпом выпивал. Пить ему не хотелось, да он и смотрел на воду с презрением. По его носу было заметно, что его душа и глотка привыкли к более крепким напиткам. Но этим самым он подчеркивал важность своего положения. Чем больше он говорил, тем больше входил во вкус.

Рыбакам было скучно: кто курил, выпуская через рот и нос едкий махорочный дым, кто сморкался и кашлял, скрипел яловыми сапогами, кое-кто дремал, некоторые попросту спали. А дядя Костик, отец моего друга Шурки Рыбальченко, тот раз за разом вставал и шел в сени, к бачку с водой, к которому на веревке была привязана алюминиевая кружка. Чувствовалось, что он с хорошего похмелья. Из графина воду пил только председатель. И еще он так изредка карандашиком, остро заточенным, постукивал по графинчику, и раздавался мелодичный звон. От этого звона кое-кто просыпался.

Так вот, наш сосед дядя Степа и сторожил эту контору с графинчиком. Хотя и инвалид, но мужик он был сильный. В этом я убедился, когда он скрутил рога козлу. Хозяином козла был Васька Джи. Как его фамилия, я не знаю — его стар и млад звал Васька Джи, хотя ему было лет шестьдесят. Бывало, когда я пас коров, подходил к его дому и кричал: «Эй, Васька Джи, давай своего драного козла!» У него никакой скотины не было, только козел. Зачем он его держал, непонятно.

Козел этот был вредный и бодал всех подряд. Я, когда был с кнутом, его не боялся. Только он нагнет голову бодаться, я его кнутом между рогов и по спине. Он сразу становился как шелковый и шел в стадо. Но однажды я раскрутил свой длинный кнут, но сам же в нем запутался и упал. Козел уперся в мою грудь рогами, прижал к пыльной дороге. На мой крик прибежал дядя Степа. Он в это время возвращался со своего

поста. Он никогда не говорил, что идет сторожить, а всегда говорил, что идет на пост. Дядя Степа единственной рукой быстро положил козла на лопатки. Потом я всем рассказывал о его силе. И все жалел, что его не взяли на войну. Он бы не одному фашисту шею свернул.

Правда, он проявлял силу не только на козлиных рогах. Еще он сражался с нашей домашней птицей. Если случится курице или голубю зайти в его огород или двор, тут же поймает и скрутит голову. Однажды он убил нашу голубку из породы дутышей. Красивая была голубка — с надутым зобом и хвостом трубой, вся белая, только по спине полоска черная. Разозлились мы с братом, решили под его дом подложить бомбу. По воскресеньям он с женой, тетей Дуней, ходил в молитвенный дом — они были баптистами. Во время их отсутствия мы и подтащили под самое окно авиационную бомбу.

Что тут было, когда они пришли и увидели! Дядя Степа мечется по двору, ругается, забыл даже, что только что общался с Богом. А тетя Дуня закатила такую истерику, что вся улица сбежалась, и все спрашивали друг друга, кто умер. Мы с Виктором от угла нашего дома наблюдали все это и радовались. Телефона тогда в нашей деревне не было даже на почте, телефон был только в селе Атамай, в семи километрах от нас. Вот дядя Степа и попросил Ивана Баклажкова, местного пастуха, проскакать верхом на лошади до райцентра и сообщить о страшном снаряде. Конечно, пришлось Ивану дать поллитра — просто так, за здорово живешь, Иван не поехал бы.

Вечером примчалась военная машина. Солдаты оцепили дом и очень аккуратно, как маленького ребенка, погрузили бомбу в машину, на мешки с песком. Мы смотрели и удивлялись, с какой осторожностью они обращаются с нашей бомбой. Мы ж ее и пинали, и тащили по буграм и колдобинам. А они видишь как! Одним словом — саперы!

Вывезли за деревню, и уже на закате мы услышали, да и ощутили взрыв. Стекла в доме зазвенели, и даже несколько черепиц с крыш выпало. Все побежали смотреть на место, где солдаты взорвали бомбу. Батюшки! Воронка больше, чем наш и соседский двор! Если бы она взорвалась у дяди Степы под окном, то не только не было бы его дома, но и нашего тоже. Да и дом тети Мани, что через дорогу, тоже снесло бы.

Мыс Лювин показывает когти

4 мая 1991 года

35°51' ю.ш., 112°40' в.д.

До мыса Лувин осталось 150 миль. Ветер усиливается. Как мне не хватает сейчас совета моего капитана Леонида Константиновича Лысенко. Каким курсом идти: на Бассов пролив* или вокруг Тасмании? Огибать Тасманию безопасней, но путь очень удлинится.

Бассов пролив на широте 39 градусов. Заход с запада в этот пролив сносный, можно рискнуть. Сам пролив тянется на 200 миль, то есть при хорошей погоде двое суток пути, но каких суток! Без сна! Да еще выход из пролива — сутки. Выдержу ли? Там много рифов, островков, интенсивное судоходство — там нельзя допустить ошибку, ее просто не исправишь. Да и ветер между Австралией и Тасманией дует, как в трубе. Течение западное, а ветер восточный. Не считая прилива-отлива, а это тоже большие хлопоты. Сейчас только этим голова и занята, хотя до пролива еще ой как далеко — дней 20, а может, и больше. Но решать надо сейчас. Если решу идти вокруг Тасмании, то буду резко уваливаться

* Пролив разделяет Австралию и остров Тасмания и соединяет Индийский океан с Тихим. Ширина составляет 240 километров, а средняя глубина около 50 метров.

вправо. Если Бассовым проливом, то буду выдерживать курс на 39–40 градусов. Кто подскажет? Кто посоветует?

21:30. Я бы предпочел еще раз пройти мыс Горн, чем этот Индийский океан. Как он меня с «Карааной» выматывает. Ветер вновь сменил направление: дул с норд-веста, а зашел на зюйд-вест. Волны огромные идут с норд-веста, а новые волны — с зюйд-веста*, и стоит такая толчея, что не только может мачта упасть, но фальшкиль отвалиться.

Темно, ничего не видно. Ветер бьет порывами. Смотрю на барометр: если он остановится и перестанет падать, поставлю два штормовых стакселя, а трисель уберу, так как он перелезает с борта на борт. Ветер холодный, как из погреба. Дождь идет без остановки.

Стоял у руля и планировал, что, как и где строить. Я давно решил поставить в бухте Врангеля часовенку морякам, погибшим у мыса Горн. Думаю, ее надо будет строить из бетона и морских валунов. А в Красноярске, на берегу речки Лана (я уже там место присмотрел), из дерева тоже часовенку — погибшим на пути к Северному полюсу. Сколько планов и желаний! Надо стараться вернуться домой!

Обида

5 мая 1991 года

40°10' ю.ш., 114°15' в.д.

01:00. Колотун адский — за штурвал голыми руками не взяться. Брызги жгут, только не жаром, а холодом. Ни одного мыса не проходили мы с «Карааной» без шторма. Мыс Юго-Западный Новой Зеландии — там нам досталось порядочно. Мыс Горн — само собой. Мыс Доброй Надежды тоже

* То есть с юго-запада.

обошелся дорого — все порвали, да и вообще непонятно, как живы остались. И вот теперь мыс Лювин показывает когти.

Если кто меня спросит, где я больше всего мерз, и будет ждать ответа, что на Северном полюсе, то я скажу, что это не так. Больше всего я мерзну сейчас, в кругосветном путешествии, в Южном полушарии. За прошедшую ночь так замерз, что к утру спустился в каюту — ни рук, ни ног не чувствовал. Испортил полкоробки спичек, пока растапливал печку — пальцы не слушались, не держали спички.

Судьбе было угодно, чтобы в 1990 году на 5 мая был назначен финиш моего одиночного похода к Северному полюсу. Но я не пришел в назначенный день — на полюс ступил только 9 мая. За это на меня многие обиделись. Корреспонденты радио, телевидения, да и друзья прилетели на встречу к 5 мая. А я был еще за 80 километров от полюса. Им пришлось ждать до 9 мая, а там еще пурга поднялась и задержала всех на Северном полюсе до 12 мая. Все от безделья и оттого, что у каждого была командировка только до назначенного срока, озверели. Когда я встретился с ними, они смотрели на меня волком и с обидой говорили, что я отобрал их драгоценное время.

Никто не спросил, как мне давались последние километры. Сколько пришлось преодолеть трещин и открытой воды. Сколько раз стоял перед тем, что называется смертью. Даже Оскар, и тот первый вопрос задал: «Папка, почему ты так долго шел?» У меня тогда текли слезы. Все, наверное, думали, что это от радости. Я же плакал от обиды. Люди, почему вы такие жестокие, злые, завистливые? Кто даст ответ на эти вопросы?

Мое одиночное кругосветное плавание должно было завершиться 5 мая, то есть сегодня. А мы только на широте мыса Лювин. Если Бог мне позволит вернуться в Сидней, я уверен, будет тот же вопрос: почему так долго шел. Если бы вы знали, как трудно прийти вовремя, когда твой путь усеян терновыми

колючками и когда он такой длинный. Длинней пути нет на Земле, потому что она круглая, а мы с «Карааной» замыкаем круг. Если замкнем, то скажем: «Все, дальше уже некуда!» Как бы мне хотелось это сказать.

03:00. Я весь в крови, как наш деревенский мясник Антон Романович. Открывал консервы, а волна резко бросила яхту на борт, и я порезался между большим и указательным пальцами.

Антон Романовч в деревне ходил к тем, кто его приглашал, и резал свиней. Вообще-то он работал, как все, рыбаком. А перед Новым годом почти вся деревня резала кто кабанчика, кто бычка, чтобы праздник отметить с мясом. В это время для Анатолия Романовича было много работы. Даже когда был очень пьян, резал он хорошо — без визга и рева. Все считали, что он непревзойденный мастер своего дела. Он и сам знал это и старался не ударить в грязь лицом.

Наш отец признавал только его, и всегда Антон Романович справлялся со своей работой играючи — он сам так о себе говорил. Но однажды он оплошал. Конечно, не столько он виноват, сколько количество выпитой бражки да самогонки. Откачаться от самогона он не мог, да и хозяева обиделись бы.

Резать нашего кабанчика Антон Романович пришел под изрядной мухой. Он уже некрепко держался на ногах, и отец предложил отложить эту работу до следующего дня. Но Антон Романович с обидой сказал: «Филя, ты же знаешь, я моряк! Притом с крейсера “Марат”». В молодости Антон Романович служил на легендарном крейсере, который немецкая авиация в начале войны потопила прямо у причала Кронштадта. Об этой бомбежке и гибели корабля он часто и подробно рассказывал. Я дядю Антона уважал за то, что он настоящий моряк. У него на всю грудь была татуировка этого самого «Марата». Я мечтал, что, когда вырасту, обязательно сделаю такую же.

Мы всей семьей потащили нашего кабанчика Ваську из сарая на двор, где Антон Романович должен был его «усмирить». У него нож для этого дела был длинный и острый, завернутый в кусок бархата бордового цвета и засунут за голенище сапога.

Самогонка и бражка не таких валила с ног, даже если он моряк с «Марата». Антон Романович размахнулся — и мимо. Нож не попал в сердце. Васька как заверещит, как рванет, и ну убежать по огородам и виноградникам. Мы всполошились. Отец ругал нас за то, что плохо держали. И Антона Романовича за то, что у него уже рука не крепкая. А Антон Романович так спокойно, без суеты, попросил: «Филя, принеси ружье, я ему покажу, кто он такой». Отец бегом в дом, впопыхах схватил ружье и патронташ с патронами, принес Антону Романовичу. Тот на ходу зарядил ружье, и побежал, шатаясь, по винограднику догонять недорезанного Ваську.

Слышим, началась пальба, будто там не один кабан, а целое стадо. Отец догадался, в чем дело: в патронташе только патроны с дробью — на утку да на зайца. Такими зарядами нелегко завалить кабана. Я хотел взять картечь и сбегать отдать дяде Антону, но отец на меня как цыкнул: «Не видишь, человек пьяный. Он и тебя вместо кабана пристрелит!»

Стрельба стихла. Смотрим, идет Антон Романович с дымящимся ружьем. Подходит и говорит: «Ты не волнуйся, Филя, все в порядке». Когда мы увидели нашего кабана, какой тут к черту порядок! Он весь побитый дробью — все сало свинцом наштиговано.

Коротенький сон

6 мая 1991 года

40°28' ю.ш., 115°35' в.д.

ГЛАВА 3
«КАРААНА».
ПЕРВОЕ
КРУГОСВЕТНОЕ
ПЛАВАНИЕ

С вечера начала погода портиться. Ветер заходит на встречный. Пришлось убрать все паруса и оставить только «носовой платок». Но в полночь ветер стих до полного штиля. Яхта перестала слушаться руля. Я закрепил его шкотами и лег спать. Хоть и мало спал, да и сон коротенький снился, но каждый такой сон наводит на воспоминания и раздумья. А снилось мне, будто пришел я в школу, где учился до восьмого класса. А в дверях — мои друзья из Сиднея, семья Гурьевых. Они приглашают зайти, а я стою и удивляюсь, как они оказались в нашей школе.

Эту школу построили, как только установилась Советская власть. Школа была добротная, из красного, прочного, еще царского кирпича. Я не видел, чтобы ее когда-либо ремонтировали, а стены стояли крепко. Все восемь лет, пока я учился, каждый год, а то и два раза в год менялись директора. Их ставили и снимали по причине и без причины, или они уходили сами. Школа стояла в самом центре деревни. Вокруг нее пустырь, заросший травой. На этом пустыре проводил занятия по физкультуре Виталий Маркович. Он был инвалид войны, контужен. Для него посильной работы в колхозе не нашлось, так его поставили физруком. Мы все любили этот предмет и самого Виталия Марковича. Занятия состояли из того, что, когда прозвенит звонок, он бросал нам мяч, и мы его гоняли, пока не закончится урок.

Ученая ворона

6 мая 1991 года

Ее я нашел птенцом, выкормил и приручил. Она жила у нас вместе с курами, в курятнике. Утром, только я беру свой портфель, ворона прыг мне на плечо, и мы с ней идем учиться. А если я не возьму ее с собой, так она прилетит и стучит клювом в окно нашего класса. Все знали, что это моя птичка. Учителя не ругали меня за то, что она у меня под партой сидит и ждет, когда закончатся эти мучительно долгие часы. Школьные уроки не слишком меня отягощали. Если вдруг нам с вороной надоест сидеть, мы попросту можем уйти, не дождавшись конца уроков. А какие уроки? Если немецкий язык, так учительница, Нина Михайловна, сама не любила сидеть в классе. Она все водила нас на экскурсии: то на ферму, то в рыбцех, где солят, вялят, коптят рыбу. Или в колхозный сад, а то и просто по степи шататься. Перед очередным уроком гадаем, куда же нас немка сегодня поведет?

Учительница русского языка любила придумывать разные игры в слова. Бывало, дает нам задание — кто больше слов придумает на ту или иную букву. Тут я часто отличался и получал хорошие отметки. К примеру, на букву «г» — я тяну руку и выкрикиваю: «Гришка, гад, гони гребенку, гниды голову грызут». Вот тебе и хорошая оценка — можно несколько дней не бояться, что тебя спросят.

04:00. У меня сегодня двойной праздник. Мы прошли траверз мыса Лювин — это первое. А второе — два года назад, 6 мая, мы пришли на полюс. Правда, нас смогли вывезти только 9 мая — все эти дни мы искали посадочную полосу. Да погода была нелетная, стоял туман, было много воды.

05:20. Съел последнюю банку рыбных консервов. Все, больше у меня рыбы нет.

06:30. В школе учитель говорил, что если поедем или пойдем из одной точки, то все равно придем в ту же точку, из которой вышли. Потому что Земля круглая. Вот и мы с «Карааной» вышли из Сиднея, никуда не заходили, потому что нас нигде не ждали, и опять подходим к Сиднею. Значит, прав был учитель.

В сторону мыса Лювин, хотя до него 350 миль, кричу: «Привет!». Теперь слева у меня Австралия, и мы идем вдоль ее южного побережья. Нам предстоит от западной ее части пройти до восточной, и плавание завершится. Но это будет примерно через месяц.

Буревестник-хвостун

7 мая 1991 года

40°54' ю.ш., 117°57' в.д.

Давно я так не смеялся. Сегодня утром появился буревестник и начал кружить над нами. Ну кружит и пусть кружит, подумал я. Так нет, он подлетает к самому кокпиту, где я стою у руля, и с таким надменным видом смотрит на нас с «Карааной»: «Вот как я красиво парю в воздухе! А вы плететесь еле-еле», — это точно, он так подумал. По его морде, а вернее, клюву было заметно. Но тут он оплошал. Расправил крылья, а они у него действительно красивые, и, паря, подлетел близко к наветренному борту яхты. Повернул свой красный нос и смотрит на нас. Мол, полюбуйся, какой я красивый. Паруса «Карааны» закрыли поток ветра, на котором он так легко и изящно держался, и хвостун в один миг шлеп вниз, да животом об воду. В испуге быстро взлетел и скрылся из виду. Хорошо ему досталось! Но, наверное, не от боли он улетел, а от стыда, что так опозорился. Я долго смеялся, аж живот заболел.

Загадка

7 мая 1991 года

09:00. Ветер не стихает — большую волну поднял. Включил радиостанцию. Давно она у меня не работала. Сидел и как попугай гундел в микрофон: «Олтейшин, олтейшин, олтейшин! Зис ис селин ет “Караана”». Что означает: «Всем, всем, всем! Внимание, внимание, внимание! Здесь парусный бот “Караана”». Но мои слова на неграмотном английском никто не слышит, и никому я не нужен. До берегов Австралии 350 миль, а то и больше. Не видать никаких судов, рыбаков здесь нет. Австралийцы словно рыбу не ловят. Да и вообще, посмотрел я на них: праздно живут. Никаких планов, никакой пятилетки за три года. Ничего не строят, я имею в виду строительство коммунизма, и перестраивать ничего не хотят. У нас же, в России, все, что строим, затем перестраиваем. А чаще свергаем власть и ставим новую. Вот это жизнь!

У них, у австралийцев, нет плавбаз, плавзаводов, как у нас. Мы ловим рыбу миллионами тонн, у нас множество рыбацких колхозов, совхозов, организаций и министерств. А рыбы нет. Где рыба? Большая загадка. Ну, допустим, хорошая рыба идет в Москву, в министерство. А где же плохая? Ее тоже нет. Да я и не поверю, что министры так много едят. Кто разгадает эту загадку?

А в Австралии рыбы везде навалом. Можно купить по низкой цене, и какую хочешь: и свежую, и мороженую, и вяленую. Очень у них интересно бывает на базаре, особенно утром. Много народа, а рыбы еще больше.

Волны-убийцы

7 мая 1991 года

22:00. «Вязать мои веники!» — вот и все, что я успел сказать, когда на яхту неожиданно обрушилась волна. Я убрал стаксель на носовом штаге и только привязал и уложил его на палубу, как эта высоченная волна нависла над яхтой. Мне только и оставалось, что схватиться за штаг, чтобы не смыло за борт, и промолвить «вязать мои веники». Я ведь теперь читаю Евангелие и стараюсь не ругаться, а это выражение не брань, но душу облегчает.

Волна накрыла меня и прижала к палубе, нос яхты на целый метр ушел в воду, и ее развернуло на 90 градусов. Весь мокрый — полные штаны воды — добрался я к кокпиту, а от туда в каюту. И только начал переодеваться в другую одежду — не в сухую, сухой у меня нет, да я и забыл, что такое сухое белье, — как снова удар, на этот раз с кормы. Непонятно, откуда взялись эти гигантские волны. Я их назвал волнами-убийцами. Они прокатились, и снова океан лишь слегка покачивает яхту.

День Победы

9 мая 1991 года

39°37' ю.ш., 120°56' в.д.

Сегодня мой отец наденет ордена и пойдет в центр деревни, где стоит памятник погибшим односельчанам. Из нашей деревни очень многие погибли на войне — почти половина населения.

Сегодня еще один для меня праздник: ровно год, как я достиг Северного полюса. 9 мая я пришел в точку полюса, на это

ГЛАВА 3
«КАРААНА».
ПЕРВОЕ
КРУГОСВЕТНОЕ
ПЛАВАНИЕ

ушло 70 дней беспрестанной борьбы со всем, что устраивала Антарктида.

08:00. Все смотрю и выискиваю судно. У меня такое чувство, что должен скоро появиться какой-нибудь корабль. Все-таки слева Австралия, цивилизация. Я сейчас мало читаю Библию, больше лоцию Австралии. Все решаю, как идти. Если через Бассов пролив — много опасностей. Огибать остров Тасманию — там тоже не меньше. Пока буду держать прямо на ос

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)дно.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)